

Виктор Ерофеев - писатель, который пустил под откос русскую литературу

Селена - С. П. - 1995 - 1 гек. - с. 15.

ТРУДНО представить себе литературную жизнь без скандалов. Но скандал скандалу рознь. Бывают тяжкие, душные, нудные. Когда солидные почтенные люди, что-то не поделив, бьются в истерику и выясняют: "А ты кто такой?", коммуналные дразги вместе развлечения или хотя бы поучения погружают читателя в тоску и тревогу.

А бывают скандалы другого рода, которые украшают жизнь. Когда какой-нибудь наглец на глазах у почтеннейшей публики делает то, что вообще-то делать не рекомендовано. У него немедленно находят сторонники, и неблагоприятная выходка взрывается фейерверком статей, интервью и рецензий. Виктор Ерофеев поступает именно так. Ему нравится, как плохо мальчику, делать то, что нельзя: дразнить священных коров, плевать на цензуру и писать ужасные неприличности. И хотя эпатированные граждане недовольно ворчат, интрига культурного приключения мало-помалу затягивает и их. Намалеванный черт оказывается не так уж страшен, а сам безобразник предстает вполне милым, интеллигентным и светским человеком.

Вы сейчас считаетесь самым успешным русским писателем - это как бы ваш официальный статус...

- Ох, не говорите! Но статус, как смола, состоит из разных компонентов. В своем я вижу две главные вещи: зависть и ревность околотелитурной тусовки. Этот статус совершенно фальшивый. Не в смысле публикаций - у меня действительно дела идут хорошо. А в том смысле, что успех на Западе запрограммировать совершенно невозможно. Это так же невозможно, как сесть и написать бестселлер.

Считается, что есть какие-то рецепты.

- Никакие рецепты на самом деле не работают. Успех приходит как снег на голову. Так и ко мне пришел с "Русской красавицей".

Ну понять-то, почему он пришел, можно. Вы первый прорвали существовавшее в России табу на секс...

- Но когда это было? В 82-м году. И никаких целок я там не прорывал. Это роман-перевод, я писал о своем опыте. Случилась история с "Метрополем" - по тем временам это были горячие дела. Был семейный разрыв, отца моего выгнали с работы. Мне нужно было найти какой-то голос, который объединил бы все эти жизненные узлы. Так получилось, что это должен был быть голос женщины. Я писал, вовсе не думая, что это будет какой-то прорыв. Мне хотелось найти внутренний покой.

А потом на Западе это совпало с модой на Россию, модой на женскую тему...

Модой на нарушение табу...

- Тогда еще цвела махровым цветом перестройка. И в 89-м году на Франкфуртской книжной ярмарке "Красавица" стала книгой года. Представляет в рукописи, напечатанная на желтой бумаге русскими

буквами, еще не переведенная, она была раскуплена одиннадцатую самыми крупными издательствами мира. Вызвали переводчиков, сидели, по ночам читали. Потом некоторые разочаровались. Они-то думали, что это история московской проститутки...

А оказалось, что вся эта клубничка - метафора, и книжка совсем о другом?

- Роман ведь больше автора. Рассказ еще как-то можно держать, как собаку за поводок. А в роман входишь, как в море. Это зеркальное отражение читателя - каждый видит в нем свое.

Мне приходилось слышать, что наш самый успешный писатель на Западе - Чингиз Айтматов. Он отвечает представлениям европейцев о русском литераторе - сеет разумное, доброе, вечное. Все это гуманистично, экологично, народно...

- Успех русского писателя на Западе - дело призрачное. Издать книжку нетрудно. Заставить публику ее читать гораздо сложнее. Я думаю, что широкому западному читателю Айтматов просто неизвестен. Сам я его не читал. Не могу - тошнит с первой же строчки.

Вообще признак успеха на Западе - это дешевые книжки в мягкой обложке. А вот такие солидные, толстые, в твердых корешках... Их печатают две тысячи, продают восемьсот экземпляров. Иногда критики, связанные со славистикой, с русским миром, такие книжки поддерживают. Обычно это очень консервативные люди. Ничего плохого не могу о них сказать, они по-своему любят Россию. Но это не успех, это иллюзия.

"Красавица" в Германии продана тиражом 150000 экземпляров - вот это уже серьезно. А сейчас у меня новый опыт: столкнулся с западной цензу-

рой. Я написал новый роман "Страшный суд". Издатели его долго ждали - по чисто денежным соображениям. И в ужасе отшатнулись, как от всплывшего трупа. Этот роман в отличие от "Красавицы" очень мужской. Он связан с мужским миром, мужскими страстями. И мне сразу предложили выкинуть оттуда самые крутые места.

Господи, что же вы такое страшное понаписали?

- Немцы мне сказали, что человечество в романе выглядит уж больно омерзительно. Англичане и американцы его просто не взяли. Французы, правда, постепенно отморозились. Французская эстетика победила французскую этику.

Им, наверное, после де Сада или, скажем, Селина ничего не страшно.

- Единственными верными мне оказались мои голландские издатели - такие совсем отвязные ребята, гомосексуалисты, наркоманы... Они у меня этот роман схватили, и сейчас он выходит в Амстердаме. На Западе, особенно в Америке, есть очень четкие установки - о чем нельзя писать.

Нельзя обижать негров, женщин, гомосексуалистов?

- Обижать можно. Но потом надо за это очень сильно наказывать. И обидчик должен раскаяться. А я выпал из системы политической корректности и сразу понял, что Запад-то совершенно несвободен. Они попали в ловушку ценностей среднего класса, которых у нас нет. Мы от своих целей освободились, а новых пока не завели. Но уже заводим - уже сажают людей в тюрьму за ерунду.

Вы кого имеете в виду?

- Например, Алина Витухновская, 22-летняя поэтесса,

сидела в Бутырке. Якобы за то, что продала кому-то наркотики на сумму 7 долларов.

А на самом деле?

- А на самом деле она не захотела сотрудничать с органами и быть их агентом в наркоманском мире...

В вашем лице русская эстетика победила русскую этику. Это сильно отличает вас от поколения шестидесятников. Как складывались с ними отношения?

- Мне везло и продолжает везти на друзей. В 73-м году, совсем мальчишкой, я напечатал свою первую статью о маркизе де Саде и сразу же перезнакомился со всем цветом тогдашней литературы. Мы были закадычными друзьями с Василием Аксеновым, близко дружил с Битовым, я хорошо знал Трифонова... Когда я начал писать, они мне говорили: "Ты занимайся критикой, а не прозой - это у тебя лучше получается". Я сочинял рассказы, приносил им. Они брали в руки опасливо, потому что видели: это бомба, которая их взорвет. Но я очень долго этого не понимал. Я их всех так любил, был так увлечен ими...

Мне казалось, что у них гораздо более широкое мировоззрение, чем это было на самом деле. А потом произошел чудовищный разрыв.

Когда это было?

- Уже после "Метрополя". Тогда мне все-таки удалось всех соединить, это была моя инициатива. А потом вижу - уже никакого взаимопонимания. И сейчас для шестидесятилетней критики я просто объект ненависти. Я для них разрушитель. Терминатор, ликвидатор. Они почему-то считают, что именно я пустил под откос русскую литературу.

Шестидесятилетняя проза - это, конечно, очень важно, но властителями дум тогда были поэты. Вы дружили с Евтушенко, Вознесенским, Окуджавой?

- С Евтушенко у нас как-то не сложилось. Недавно я написал рецензию в "Московских новостях" на его новый роман. Роман улетный. Рецензия начиналась словами "евтушенко - имя нарицательное". И он мне по полной программе выдал в "Литературной газете". Там есть гениальные слова: "С легкой руки Ерофеева, отягощенной перстнями Сальери..." Вот так.

А что касается Вознесенского, то у меня с ним вполне приятельские отношения. То есть эстетически мы, конечно, люди разные...

Зато вы оба люди светские.

- Не в этом дело. Мне очень симпатична его система выживания. Я оценил его в годы перестройки - из-под обломков разрушенного здания он один из своего поколения вышел нераздавленным. Как он смог это сделать - для меня до сих пор загадка. Недавно была огромная тусовка в честь его новой книжки. Пришли все - от членов правительства до Аллы Пугачевой. И я стоял там и думал: сегодня это единственный русский писатель, который может собрать такую тусовку. По нынешним меркам это - художественное произведение. И он - его автор.

А к Булату я хорошо отношусь. Как-то раз я даже сказал, что в детстве для меня Окуджава значил больше, чем Ленин.

Он не обиделся?

- Ничуть. То, чем он был - ну как это можно забыть? Да и

зачем? Знаете, со временем я понял, что культура - такое призрачное, химерическое явление, так мало настоящих творческих энергий... И плевать, каблуком давить - зачем? Можно не любить, говорить, что я пойду другим путем, - ради Бога! Но нельзя поворить, что этого нету. Вообще, когда из яйца вылупляется какое-то новое поколение, это всегда сопровождается выбросом огромной ненависти. Мы как бы не накапливаем никакого опыта, вся наша культура - знаки на песке. На Западе такой ненависти нет. Никто не плевал на Камю или Сартра, когда они постарели и подурнели. Хотя Камю в конце жутко плохие книжки писал.

А вы сами кого-нибудь ненавидели, когда начинали?

- Если и ненавидел, то уже забыл кого. У меня неприязнь сразу перерастает в любопытство. Я вообще очень снисходительный человек.

К чувствам нормального российского обывателя вы не снисходите. Вы его пугаете страшным количеством крови, кала и спермы на страницу текста.

- Это неумение читать. Маршак когда-то говорил: если написать длинное стихотворение со словом "жопа", то стихотворение забудут, а "жопу" запомнят. Эти люди так и читают. Я не видел ни одного человека на Западе, который задавал бы такие вопросы. Кроме славистов, которые сильно заражены русской культурой.

А может, читатель просто называет кошку кошкой?

- Тогда ему нужна не литература, а публицистика, журналистика. Я сам все это люблю - когда слово работает как лопата, несет какой-то информационно-утилитарный смысл. Но писательство - это же прямо противоположная вещь. Если слово меня несет, и там нужна "жопа" - значит, будет "жопа". И главное, я совершенно забываю о том шоке, который может испытать русский читатель.

Вообще, если бы я долго оставался в этой русской клетке, я бы себе морду здорово поцарапал. С тоски. Потому что здесь я не получаю никакой подпитки - ни от читателей, ни тем более от критики. Мне приходится существовать в каком-то диком одиночестве. Поэтом светскость моя чисто напускная.

В этом смысле успех на Западе мне очень сильно помог. У меня другой читатель, другие критики. Они пишат нормальные вещи, они меня стараются поставить в какой-то контекст. Французские изда-

тели написали о "Страшном Суде", что этот роман преодолел советскую литературу... Для них русская литература это болезнь, которую надо преодолеть.

А как вы ухитряетесь быть одновременно критиком и писателем? Это же враждебные друг другу профессии.

- Наверное, этап критики кончается. До сих пор моя жизнь текла как бы в шизофрении. Вот сейчас я пытаюсь доработать свои старые эссе для трехтомника. Там второй том - критика, он будет называться "В лабиринте проклятых вопросов". И понял, что - все, не могу. Умираю над каждой фразой. Хотя одно время я был настоящим критиком и даже написал несколько удачных вещей.

А как это по жизни получалось? Критик - это некая властная позиция. Вас должны уважать и побаиваться другие писатели. Одновременно вы как писатель попадаете в "зону огня" других критиков.

- Получалось замечательно. Я был довольно эрудированным господином и мог сочинить любую рецензию на любой текст - от самых негативных до самых позитивных. Это описал еще Набоков в "Даре".

Но когда я стал известным и сам получил огромное множество рецензий - я увидел, что все критики ничего не поняли. Критика ничего не дает. Это все иллюзия, неправда. Вся критика построена на ложной уверенности, что один писатель вытекает из другого.

Например, что все вышло из гоголевской "Шинели"? Но ведь писатели сами в это верили.

- Да как человек может судить о литературе, если он сам не умеет писать! Ну почтайте хотя бы Белинского - ведь он же совсем писать не умел. Никто из них писать не умеет! Что делать - я не знаю.

Что делать! Из лабиринта проклятых вопросов мы с вами так и не выбрались. Наша литература всегда была больше, чем литература.

- Она даже была больше, чем сама жизнь. Русская литература создавала русскую реальность, а не наоборот. Даниил Андреев в "Розе мира" прав - Евгений Онегин не менее реален, чем Сталин и Ленин - мы столько энергии в него вложили. Никто ни в одной стране не получает от литературы такого стимула.

Получает. В Израиле к Библии относятся еще более истоно.

- Библия - священный текст. А наши тексты все-таки имели такой промежуточный характер - священные и в то же время светские. В этом их прелесть. Поэтому они уникальны. Они - наше богатство. Никому не отдадим.

Беседовала
Марина КОЛДОБСКАЯ
Фото
Владимира ФИЛОНОВА